

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА / LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.35>

СТРУКТУРА МОТИВА ПАМЯТИ В РОМАНЕ РУТ ОЗЕКИ «МОЯ РЫБА БУДЕТ ЖИТЬ»

Научная статья

Маринина Ю.А.^{1,*}, Кулемина Л.С.², Тореева Т.А.³

¹ORCID : 0000-0002-5996-8396;

³ORCID : 0009-0009-5277-1433;

^{1,2}Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Российская Федерация

³Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (umarinina[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается проблема создания и функционирования мотива памяти (механизмов забвения и обретения памяти) в романе Рут Озеки «Моя рыба будет жить». Главные героини романа – Рут и Наоко – связаны происхождением (Наоко – японка, Рут – японка по матери), однако живут в разных странах, разделены временем и пространством. Рут и Наоко – двойники, на примере каждой из них показано действие механизмов забвения и обретения памяти, как индивидуальной (Рут теряет память вследствие болезни), так и культурной памяти своего народа (каждая первоначально почти ничего не знает о Японии, её традициях, особенностях жизни народа, однако постепенно эти знания приходят и формируют как принадлежность к общей коллективной памяти, так и память индивидуальную). В образе Наоко механизм обретения памяти усложнен: её семья жила в Америке, и девушка считает себя американкой, воспитана в традициях американской культуры, позднее семья Наоко возвращается в Японию, и здесь героиня сталкивается с реальностью и традициями другой страны. Синтез черт американской и японской культуры и становится основой индивидуальности девушки.

Ключевые слова: мотив памяти, культурная память, художественное время и пространство.

THE STRUCTURE OF THE MEMORY MOTIF IN RUTH OZEKI'S NOVEL "A TALE FOR THE TIME BEING"

Research article

Marinina Y.A.^{1,*}, Kulemina L.S.², Toreeva T.A.³

¹ORCID : 0000-0002-5996-8396;

³ORCID : 0009-0009-5277-1433;

^{1,2}Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

³Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (umarinina[at]gmail.com)

Abstract

The article examines the problem of creation and functioning of the memory motif (mechanisms of forgetting and gaining memory) in Ruth Ozeki's novel "A Tale for the Time Being". The main characters of the novel – Ruth and Naoko – are connected by their origin (Naoko is Japanese, Ruth is Japanese by her mother), but they live in different countries, separated by time and space. Ruth and Naoko are doppelgängers, and the example of each of them shows the mechanisms of forgetting and acquiring memory, both individual (Ruth loses her memory due to illness) and cultural memory of her people (each initially knows almost nothing about Japan, its traditions, and the specifics of the people's life, but gradually this knowledge comes and forms both belonging to a common collective memory and individual memory). In the image of Naoko the mechanism of memory acquisition is more complicated: her family lived in America, and the girl considers herself an American, brought up in the traditions of American culture, later Naoko's family returns to Japan, and here the heroine faces the reality and traditions of another country. The synthesis of features of American and Japanese culture becomes the basis of the girl's individuality.

Keywords: memory motif, cultural memory, fictional time and space.

Введение

Проблема памяти в настоящее время – одна из центральных проблем гуманитаристики. Это обусловлено стремлением к обретению собственной идентичности в меняющемся мире – память является для человека строительным материалом, соединяющим прошлое и настоящее: «Память – это понятие, которое не только связано с прошлым и категорией времени, но это также общая категория, определяющая то, что остается от прошлого, своеобразная «база данных» прошлого опыта и информации, составляющая часть текстообразующего механизма, которая определяет настоящее состояние культуры» [1, С. 202]. Память нельзя считать простым скоплением информации о прошедшем: она является механизмом, который формирует человеческий опыт и помогает ориентироваться в настоящем и будущем [2, С. 48]. Однако наряду с механизмом памяти существует механизм забвения.

В начале XX века идеи Ф. Ницше и З. Фрейда позволяют осмыслить забвение как необходимое условие для восприятия нового, потенциал для формирования новой памяти. Сама же память утрачивает образ хранилища с неизменными данными: человек осознает, что, находясь в настоящем, он способен влиять на информацию о прошлом [3, С. 53] и оказывать существенное влияние на коммуникацию в системе «Я-Другой» [3, С. 54].

Обозначенная система тесно связана с представлением о культурной памяти, оказывающей существенное влияние на формирование культурного времени и пространства в силу направленности на удержание аспектов прошлого данной культуры в настоящем.

Основные результаты

Принадлежность индивида к своему народу, роду, семье, собственный жизненный опыт – все это формирует личность, является материалом для создания «человеческой исключительности» [4, С. 12]. Культурная память большинства народов характеризуется, с одной стороны, схожими признаками – например, интересом к собственному прошлому, избирательностью памяти, а также специфическими, свойственными только для определенной национальности, – с другой. Например, для японцев характерна ориентация на сохранение культурной памяти в материальных объектах [5, С. 286]. Именно к этому специфическому признаку и обращается в романе «Моя рыба будет жить» (2013) американо-канадская писательница японского происхождения Рут Озеки (род. 1956 г.).

Удостоенный Букеровской премии роман рассказывает о судьбе двух женщин, Рут и Наоко, между которыми устанавливается связь сквозь разделяющие их время и пространство. Несмотря на отдаленность, обозначенные героини оказываются очень похожи: обе они имеют японское происхождение и обе утратили культурную связь со своей исторической родиной. Так, дочь японки, которая большую часть жизни провела за пределами страны и страдала синдромом Альцгеймера, Рут практически ничего не знает об этом народе и не находит никаких других связующих звеньев с ним, кроме как использование слова «япы» без привычной для него грубой окраски по отношению к другим японцам: «...происхождение дает мне на это право...» [6, С. 34].

Механизм забвения связан не только с Рут, но и с её родителями: героиня отправляется на кладбище, где они похоронены, однако пребывание там не дает ей возможности почувствовать собственную причастность к культуре народа или хотя бы рода, поскольку уже её родители утратили культурную память, родовая же память значительно ослаблена. Примечателен эпизод, завершающий данную главу: Рут достает купленные в магазине здорового питания благовония и, воткнув их в землю, осознает, что не понимает ни причины подобного поступка, ни того, что должно следовать за ним, и не может сопроводить его никакими ритуальными действиями: «...она села на землю перед могилами, чтобы... Чтобы что? Она не знала... Она... жалела, что не знает какого-нибудь песнопения...» [6, С. 395].

Постепенная утрата собственной памяти происходит у Рут параллельно с обретением памяти культурной, т.е. культурная память, представление о Японии, погружение в судьбу Наоко замещает и компенсирует утрату воспоминаний Рут. Она находит дневник Наоко, записи её двоюродного деда, Харуки № 1, его часы. Последний предмет становится для женщины очень важным: рассмотрев часы в первый раз, она спешит надеть их на руку, с неохотой демонстрирует их другим жителям острова, и мысленно замечает: «И что у мужчин за пунктик насчет часов?» [6, С. 232]. Учитывая происхождение Рут, можно провести параллель между стремлением японцев к сохранению материальных объектов, имеющих культурную ценность, и ревностным желанием героини оберегать часы от других, однако при этом необходимо упомянуть отмеченный выше поиск собственной культурной памяти, которым в первую очередь и подкреплено данное желание.

В качестве ещё одной причины, по которой Рут с повышенным вниманием следит за тем, чтобы никто не касался ее часов, можно отметить ее страх выпасть из времени, который вызван развивающейся с годами болезнью Альцгеймера, унаследованной от матери: «...но самым большим ее страхом был Альцгеймер ... Как и мать, Рут частенько забывала вещи. Персеверировала. Теряла слова. Выпадала из времени» [6, С. 96].

Само имя героини – Рут – говорит о сожалении, испытываемом ею в связи с утратой памяти как собственной, так родовой и культурной (своих «корней»): «...английское слово *ruth* образовано от старинного *ruē*, что означает «раскаяние», «сожаление»... На японском звучало не менее проблематично... либо как «руцу», что значит «корни», либо «русу» — «не дома», «отсутствует» [6, С. 62]. Женщина также предлагает и значение слова, от которого образован вариант ее имени на иврите (Руфь означает «спутник»), однако и он вновь указывает на отсутствие у нее памяти: по ходу романа Рут становится невольным спутником Наоко.

Таким образом, повышенный интерес Рут к поискам культурной памяти народа, можно объяснить не только впечатлениями от дневника Наоко, на чтение которого Рут тратит практически всё свое время, но и стремлением найти замену собственной памяти, ускользающей из-за болезни, памятью культурной.

Наоко же, в отличие от Рут, имеет все возможности для восстановления своей культурной памяти, однако не спешит ими воспользоваться: ее родители, переехавшие в США японцы, чтут традиции своей страны, однако не требуют этого от дочери, так как не предполагают, что когда-нибудь им придется вернуться назад. Из-за этого Наоко практически не знает языка своей родины: «...мой разговорный язык сводился к простейшим бытовым выражениям...» [6, С. 46].

Причина, по которой она не стремится к приобщению к японской культуре, заключается в том, что девушка уже чувствует собственную приобщенность к культуре США: Наоко не раз на протяжении произведения говорит о себе как об американке («Я... думала о себе как об американке...» [6, С. 46]; «...что делает меня американкой...» [6, С. 46]; «В глубине души я — американка...» [6, С. 136]), Калифорнию и Саннивейл Наоко считает своим единственным домом: «...у меня никогда не было дома, кроме как в Саннивейле...» [6, С. 191]. В то же время её подруга Кайла объясняет отличия Наоко (например, в том, что девушка никогда не употребляет таблеток от психических расстройств) этнической принадлежностью («Она — японка» [6, С. 170]).

Таким образом, утрата культурной памяти Японии помогает девушке адаптироваться в инокультурной среде и успешно функционировать в ней. Иными словами, механизм забвения в данном случае можно оценить как необходимый и положительно влияющий на судьбу Наоко, однако в дальнейшем он скажется на ее жизни отрицательно: после переезда в Японию не умеющая успешно взаимодействовать в культурной среде этого народа Наоко станет изгоем среди одноклассников.

Способность к взаимодействию в новой для нее среде Наоко помогает обрести ее прабабушка, дзен-буддистская монахиня Дзико (следует отметить, что сама Рут Озеки в 2010 г. была удостоена сана буддийского священника [7, С. 128]). Приобщая свою правнучку к традиционному для Японии религиозному учению, она помогает ей воссоединиться с некоторыми аспектами культурной памяти этого народа. Так Наоко обретает «супапаву»: «Она [Дзико] говорила на японском, но тут она использовала английское слово *superpower*, только произнесла она это, скорее, как супа-пава. Очень быстро. Супапава» [6, С. 185]. Этим словом монахиня называет значимую для традиционного японского мировоззрения способность спокойно реагировать на происходящее вокруг. Примечательно, что она использует английское слово, привычное для слуха Наоко, однако придает ему японскую огласовку: этим Озеки указывает на изменение культурной среды, в которой девушке необходимо существовать, и, следовательно, на изменение языка и самих культурных реалий. В английском языке – это суперсилы, слово, рождающее определенные ассоциации с культом супергероев, комиксов и фильмов. Суперсила – то, что позволяет герою возвыситься над другими, изменить законы реального мира и подчинить их себе. В японском варианте суперсилой («супапавой») является спокойствие, созерцание, отрешенность от эмоционального восприятия происходящего. Таким образом, в Наоко соединяются и японская, и американская культура, именно этот опыт дает девушке «суперсилы».

Обозначенную выше способность Наоко впоследствии использует при общении с одноклассниками. Например, в случае, когда те нападают на нее в уборной, связывают, снимают нижнее белье и убегают с ним, чтобы продать на аукционе, девушка даже не сопротивляется, понимая, что это бессмысленно, однако и не теряет самообладания: «Они [одноклассники] могли сломать тело, но мой дух они сломать не могли... лицо у меня расплывается в тихой улыбке. Я вызвала свою супапаву...» [6, С. 288]. Примечателен способ обретения Наоко этой способности: девушка отправляется вместе с прабабушкой на пляж и вступает в «сражение» с океаном, она берет палку и принимается с легкостью рассекать ею волны, но те надвигаются на нее снова и снова. Устав от этого занятия, Наоко признает: «Я проиграла. Океан победил» [6, С. 201]. Роль концепта воды в японской культуре объясняется географическими особенностями: будучи жителями островного государства с нестабильной тектонической обстановкой, японцы не могли не создать специфического концепта воды, отличающегося от понимания воды в культуре других народов. Перенятые японцами китайские учения только дополнили его содержание, например, влияние оказал призыв философа Лао-цзы быть подобным воде: она способна, оставаясь внешне слабой сущностью, преодолеть любую сильную сущность благодаря своей текучести [8, С. 4].

Помимо обучения «супапаве», Дзико приобщает Наоко к дзен-буддистской медитации, дзадзэн. Находясь в ней, Наоко вновь ощущает себя в родном городе Саннивейле: «...у меня никогда не было дома, кроме как в Саннивейле, а этот дом для меня потерян, — это действительно важно. Дзадзэн — это дом, который ты не потеряешь никогда...» [6, С. 191]. Это чувство помогает девушке взаимодействовать в японском обществе, спокойнее относиться к окружающим ее трудностям.

Следующим средством приобщения Наоко к японской культурной памяти является ее участие в традиционном японском празднике усопших, Обоне. С его наступлением девушке приходится вносить свой вклад в храмовые служения, стуча в ритуальный барабан. Наоко серьезно относится к выпавшей ей обязанности, поскольку видит в ней возможность почувствовать важное для дзен-буддистской концепции мира состояние – момент: «Мне очень нравится барабанить. Когда я это делаю, я осознаю эти шестьдесят пять моментов, которые, как говорит Дзико, есть в каждом щелчке пальцев...» [6, С. 247]. В детстве Наоко пережила увлечение словом «now»: «...шептала: «Now!.. Now!.. Now!..» снова и снова, быстрее и быстрее, бросая слова ветру, пока мир пролетал мимо, и пыталась поймать момент, когда сейчас становится NOW...» [6, С. 103]. Т.е. культурная память была утрачена Наоко не в полной мере: хотя девушка и не могла выразить словами свои чувства от переживания момента просветления и до конца осознать их, их существование в подсознании девушки не подвергается сомнению.

Однако с возвращением из храма в Токио осознание момента вновь уходит из сознания Наоко. Во время занятий простижцией, встречаясь с клиентом и ощущая нежелание быть с ним, девушка погружается в сомнамбулическое состояние: «...пока он делал с моим телом разные вещи, я просто ушла в замороженное пространство тишины у себя в голове — чистое, холодное и очень далекое. И я реально помню не слишком много...» [6, С. 355]. Таким образом, данное состояние можно трактовать как крайнюю точку, дойдя до которой Наоко утрачивает не только культурную память, частично возвращенную ей Дзико, но и свой физически получаемый опыт. Говорить о том, что сомнамбулическое состояние близко к состоянию момента, не представляется возможным: Наоко не пытается постичь свой внутренний мир, как того требует дзен-буддизм, а отстраняется от своих чувств и ощущений [9, С. 264-265].

Это состояние сменяется возвращением к опыту дзен-буддизма: по пути в храм Дзико, узнав о её скорой смерти, Наоко проводит ночь на автобусной станции. Утром к девушке приходит осознание момента: как и дзен-буддистские монахи, стремящиеся к просветлению, она полностью погружается в себя и в этом состоянии сильного эмоционального напряжения вдруг замечает: «Холодно. Цветы на деревьях перед станцией почти все уже опали... Старик в сине-белом тренировочном костюме сметает лепестки с тротуара... Меня он не видит... Старушка-фермерша в сине-белой тэнугуи катит мимо на велике. Никто меня не видит. Может, я невидима. Так я понимаю, это оно и есть. Вот так и ощущается "сейчас"» [6, С. 261]. Иными словами, Наоко, сконцентрировавшись на себе, выходит за рамки собственного внутреннего мира и впитывает в себя происходящее вокруг «сейчас».

Примечательно, что сами мысли о приобщении к моменту Наоко излагает, используя содержательные признаки традиционного жанра японского стихосложения – хокку (хайку). Этому жанру свойственно стремление заново открыть для себя окружающую действительность и назвать составляющие ее предметы и явления предельно простыми словами для того, чтобы «схватить» момент настоящего [10, С. 111], так и Наоко желает заново назвать возродившийся для нее мир. Сам процесс номинации в японском языке по своему фонетическому облику несколько совпадает с именем главной героини: «на-о нору» – Нао, Наоко. Неслучайно и упоминание примет весны (оппадающие лепестки, утренний холод): тема времен года является традиционной для японской поэзии.

Постижение момента становится ценным для Наоко с точки зрения ее обращения к культурной памяти японского народа. Постепенно забывающая за время жизни в Токио все составляющие памяти, которые возрождала в ней Дзико, девушка вновь вспоминает их, обратившись к своему внутреннему миру, завершает это обретение постижение Наоко «сейчас».

Кроме культурной памяти, героиня обретает в романе и утраченную родовую память. Первый раз возврат памяти происходит во время встречи с Дзико в токийской квартире: Наоко заново обретает свою прабабушку, бурной жизнью которой впоследствии вдохновляется на пути своего саморазвития («Она была монахиней и писателем, «новой женщиной» эпохи Тайсё. Еще она была анархисткой и феминисткой...» [6, С. 9]).

Второй раз память о своей семье девушка обнаруживает, находясь в храме: здесь она узнает о детях Дзико, в частности, о двоюродном деде Харуки №1, который был очень любознательным молодым человеком, владел французским языком, но впоследствии вступил в ряды пилотов-камикадзе и погиб. Во время празднования Обона, в одну из ночей Наоко встречается с ним на прихрамовой территории. Встреча оказывается для девушки очень важной, однако от неожиданности она оказывается не в силах поддержать разговор, но потом возвращается к ней в воспоминаниях, что указывает на значимость родовой памяти, стремление к её обретению.

Больше в произведении Наоко ни разу не видит Харуки №1 в зримой оболочке, однако не забывает о нем: его образ становится настолько важен для девушки, что впоследствии она не раз вспоминает о трудностях, которые пришлось перенести ему: «Какая же ты дура, Ясутани Наоко!.. То, что они <одноклассники> с тобой делали, — просто семечки по сравнению с тем, что вынес твой двоюродный дед...» [6, С. 270]. Пилот-камикадзе, наряду с прабабушкой-монахиней, становится своеобразным родовым покровителем Наоко, способствующим обретению культурной и родовой памяти. Это обусловлено и самим феноменом камикадзе: «этимология термина (пер. с яп. «ками» – божество, «кадзе» – ветер)... связана с «божественным ветром»... в ментальности японской нации сформировалось представление о том, что страну защищают национальные боги» [11, С. 136].

Сохранять в памяти образ двоюродного деда Наоко помогают предметы, оставшиеся от него – часы и его дневник на французском языке. Девушка, как типичная японка, бережно относится к ним: так, по просьбе Дзико она внимательно следит за тем, чтобы ход часов никогда не прекращался, а дневник берет с собой домой для внимательного изучения.

Большое значение для возврата Наоко родовой памяти имеют действия Рут: если часы Харуки №1 девушке вручает ее прабабушка, то дневник на французском в храм приносит, преодолев через сновидение время и пространство, именно Рут. Примечательно, что женщина, не находящая себе ни культурной, ни родовой опоры, становится тем, кто оказывает значительное влияние на возврат памяти другому человеку.

Заключение

Мотив памяти в романе Озеки «Моя рыба будет жить» является сюжетообразующим. Именно благодаря функционированию механизмов забвения и обретения памяти в тексте переплетаются судьбы двух героинь, Рут и Наоко, они становятся персонажами-двойниками. Обе героини обретают культурную память, приобщаясь к знаниям и традициям предков, погружаясь в культуру Японии. Если для Рут обретение культурной памяти становится своеобразным замещением собственных утраченных воспоминаний, то возврат культурной и родовой памяти помогает Наоко не только найти способ успешного функционирования в японском обществе, осознать свою силу через уникальный опыт соединения американской и японской культурной традиции, а также развивать стремление к самосовершенствованию, следуя по пути предков – Дзико и Харуки № 1. Так в соединении личного, родового и коллективного (национального) и формируется индивидуальность Наоко.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. — Таллин: Александрия, 1992. — Т.1. — с. 200-202.
2. Костина А.В. Память как механизм культуры / А.В. Костина // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. — 2013. — 1 (10). — с. 47-53.
3. Лебедева Г.В. Память и забвение как феномены культуры / Г.В. Лебедева // Труды преподавателей кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры: к 40-летию философского факультета; под ред. А. В. Перцева, О. Б. Ионайтис. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. — с. 50-68. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31596/1/trpe_2005_04.pdf (дата обращения: 01.08.2023)
4. Бабаева А.В. Репрезентации «человеческой исключительности» в культурном потоке Нового времени / А.В. Бабаева, Н.В. Шмелева // Вестник Мининского университета. — 2022. — 10. — с. 12. — URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1334> (дата обращения: 01.08.2023). — DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-12.
5. Молодяков В.Э. Историческая память японцев / В.Э. Молодяков // Япония. — 2008. — 37. (дата обращения: 01.08.2023) — URL: <https://www.yearbookjapan.ru/jour/article/view/111/112>

6. Озеки Р. Моя рыба будет жить / Р. Озеки. — Москва: АСТ, 2014. — 480 с.
7. Ан С.А. О вечном и временном: семантика заглавия романа Рут Озеки «Моя рыба будет жить» / С.А. Ан, Я.П. Изотова // Филология и человек. — 2019. — 1. — с. 127-136. — URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/5284> (дата обращения: 01.08.2023). — DOI: 10.14258/filichel(2019)1-11.
8. Филимонова Е.Н. Стихия воды и ее код в дальневосточной ментальности / Е.Н. Филимонова // Язык, сознание и коммуникация; под ред. В.В.Красных, А.И.Изотов, В. Г. Кульпина. — Вып. 37. — Москва: МАКС-Пресс, 2009. — с. 4-29. — URL: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_37_01filimonova.pdf (дата обращения: 01.08.2023)
9. Уолтер М. Царство культов / М. Уолтер. — Санкт-Петербург: Логос, 1992. — 353 с.
10. Долин А. Поэзия и поэтика хайку / А. Долин // Вестник культурологии. — 2011. — 3. — с. 111-121.
11. Ямпольская Л.Н. Феномен камикадзе в истории японской авиации на завершающем этапе второй мировой войны (1944-1945) / Л.Н. Ямпольская // Метаморфозы истории. — 2018. — 11. — с. 133-145.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lotman Ju.M. Pamjat' v kul'turologicheskom osveschenii [Memory in a Cultural Perspective] / Ju.M. Lotman // Izbrannye stat'i [Selected articles]. — Tallin: Aleksandrja, 1992. — Vol.1. — p. 200-202. [in Russian]
2. Kostina A.V. Pamjat' kak mehanizm kul'tury [Memory as a Mechanism of Culture] / A.V. Kostina // Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv [Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts]. — 2013. — 1 (10). — p. 47-53. [in Russian]
3. Lebedeva G.V. Pamjat' i zabvenie kak fenomeny kul'tury [Memory and oblivion as cultural phenomena] / G.V. Lebedeva // Trudy prepodavatelej kafedry estetiki, etiki, teorii i istorii kul'tury: k 40-letiju filosofskogo fakul'teta [Proceedings of the Faculty of Aesthetics, Ethics, Theory and History of Culture: 40th Anniversary of the Faculty of Philosophy]; edited by A. V. Pertseva, O. B. Ionajtis. — Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2005. — p. 50-68. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31596/1/tpce_2005_04.pdf (accessed: 01.08.2023) [in Russian]
4. Babaeva A.V. Rerezentatsii «chelovecheskoj iskljuchitel'nosti» v kul'turnom potoke Novogo vremeni [Representations of “Human Exclusivity” in the Cultural Stream of the Modern Age] / A.V. Babaeva, N.V. Shmeleva // Vestnik Mininskogo universiteta [Bulletin of Minin University]. — 2022. — 10. — p. 12. — URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1334> (accessed: 01.08.2023). — DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-12. [in Russian]
5. Molodjakov V.E. Istoricheskaja pamjat' japontsev [The Historical Memory of the Japanese] / V.E. Molodjakov // Japan. — 2008. — 37. (accessed: 01.08.2023) — URL: <https://www.yearbookjapan.ru/jour/article/view/111/112> [in Russian]
6. Ozeki R. Moja ryba budet zhit' [A Tale for the Time Being] / R. Ozeki. — M.: AST, 2014. — 480 p. [in Russian]
7. An S.A. O vechnom i vremennom: semantika zaglavija romana Rut Ozeki «Moja ryba budet zhit'» [On the Eternal and the Temporal: The Semantics of the Title of Ruth Ozeki's novel "A Tale for the Time Being"] / S.A. An, Ja.P. Izotova // Filologija i chelovek [Philology and Man]. — 2019. — 1. — p. 127-136. — URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/5284> (accessed: 01.08.2023). — DOI: 10.14258/filichel(2019)1-11. [in Russian]
8. Filimonova E.N. Stihija vody i ee kod v dal'nevostochnoj mental'nosti [The Element of Water and its Code in the Far-eastern Mentality] / E.N. Filimonova // YAzyk, soznanie i kommunikaciya [Language, Consciousness and Communication]; edited by V.V.Krasnyh, A.I.Izotov, V. G. Kul'pina. — Issue 37. — Moskva: MAKS-Press, 2009. — p. 4-29. — URL: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_37_01filimonova.pdf (accessed: 01.08.2023) [in Russian]
9. Uolter M. Tsarstvo kul'tov [Realm of Cults] / M. Uolter. — Sankt-Peterburg: Logos, 1992. — 353 p. [in Russian]
10. Dolin A. Poezija i poetika hajku [Poetry and Poetics of Haiku] / A. Dolin // Vestnik kul'turologii [Bulletin of Culturology]. — 2011. — 3. — p. 111-121. [in Russian]
11. Jampol'skaja L.N. Fenomen kamikadze v istorii japonskoj aviatsii na zavershajuschem etape vtoroj mirovoj vojny (1944-1945) [The Kamikaze Phenomenon in the History of Japanese Aviation at the Final Stage of the Second World War (1944-1945)] / L.N. Jampol'skaja // Metamorfozy istorii [Metamorphoses of History]. — 2018. — 11. — p. 133-145. [in Russian]